Исследовательская работа по географии на тему: «Великие имена в истории Симбирского края. Н. М. Карамзин.»

Выполнили
учащиеся 8 «А» класса
МОУ СОШ № 74
Ямщиков Константин,
Мамонтов Андрей,
Абрамов Вадим,
Лебедев Андрей,
Шарков Артём.

КАРАМЗИН Николай Михайлович (1766-1826), российский историк, писатель, критик, журналист, почетный член Петербургской АН (1818). Создатель "Истории государства Российского" (т. 1-12, 1816-29), одного из значительных трудов в Российской историографии. Основоположник русского сентиментализма ("Письма русского путешественника", "Бедная Лиза" и др.). Редактор "Московского журнала" (1791-92) и "Вестника Европы" (1802-1803).

Николай Михайлович Карамзин родился в с. Знаменское (Карамзинка) Симбирского уезда, в семье отставного капитана Михаила Егоровича Карамзина. С осени до весны Карамзины обычно жили в Симбирске, в особняке на Старом Венце, а летом - в селе Знаменском. (Ныне нежилое селение в 35 км. ю-з. Ульяновска). После домашнего обучения занимался в частном пансионе в Симбирске. По обыкновению того времени в 8-летнем возрасте был записан на службу в полк и обучался в московском пансионе. С 1781 г. проходил службу в Петербурге в Преображенском полку. Здесь началась его литературная деятельность. С февраля 1783 г. находился в отпуске в Симбирске, где, наконец, уволился в отставку с чином поручика. В Симбирске сблизился с местными масонами , но не увлекся их идеями. С 1785 г. Н.М. Карамзин живет в столицах, регулярно, до 1795 года приезжая в Симбирск.

До конца своих дней Николай Михайлович поддерживал связь со своим старшим братом Василием, высылая ему литературные новинки на русском, немецком и французском языках, ведя оживленную переписку. В петербургском и московском домах Н. М. Карамзина часто бывали его симбирские друзья - Тургеневы, Плещеевы, Дмитриевы, Кушниковы. В последний год жизни Н.М. Карамзин в письме к Дмитриевым с горечью писал: "Любезный Симбирск, Волга, Свияга! Мне уже, вероятно, не видеть вас..."

В 1833 году симбирские дворяне составили и направили

симбирскому губернатору А.М. Загряжскому письмо-обращение следующего содержания:
"Желая ознаменовать и увековечить высокое уважение наше к памяти уроженца Симбирской губернии великого бытоописателя Николая Михайловича Карамзина, творениями своими имевшего столь решительное прочное и благодельное влияние на просвещение любезного Отечества нашего: вознамерилисьмы ему воздвигнуть в г. Симбирске памятник, почему обращаемся к Вашему превосходительству с покорнейшей просьбой исходатайствовать Высочайшее соизволение на открытие подписки для составления денежной суммы, потребной для выполнения сей священной цели, нами предложенной".
Инициаторами сооружения памятника были: генерал-майор П.Н. Ивашев, трое братьев Языковых, князь Ю.Хованский и др., которые и сделали первоначальные взносы на строительство памятника.
В том же году последовало согласие императора Николая I на создание комитета по сооружению памятника. Комитет под председательством губернатора отвел место для сооружения памятника - между губернской гимназией и городским магистратом. По мнению комитета, памятником историку должен стать ансамбль из трех зданий, в центральном из которых размещалось библиотека, главную залу которой бы украшал бюст историографа.
Однако, по ряду причин, выполение проекта затянулось. Николай I, посетивший в 1836 году Симбирск, указал на этом месте устроить площадь, в центре которой и установить памятник, повелев заключить с профессором С.И. Гальбергом контракт на сооружение памятника. Из казны на эти цели выделялось 550 пудов меди.

Памятник Н.М.Карамзину

Утром 23 августа (5 сентабря н.ст.) 1845 года, в кафедральном соборе в парадной одежде собралось все начальство, дворянство, купечество, воспитанники гимназии и духовной семинарии, толпы простых обывателей.

На открытии также присутствовали два сына историка: Андрей и Александр Николаевичи.
После заупокойной литургии все отправились на новую площадь, где и был открыт монумент.
Упавший занавес открыл бюст историка и надпись, выполненную накладными позолоченными буквами:

Н.М. Карамзину
историку Российского государства
повелением императора Николая I-го
1844 год.

Завершился этот торжественный день обедом в Доме дворянского собрания с провозглашением многочисленных тостов во славу императора, Отчизны, Карамзина и симбирского дворянства.
Первоначально памятник обнесли деревянной решеткой, а, затем вдова одного из сыновей Н.М. Карамзина, Андрея, убитого в Крымской войне, пожертвовала капитал для устройства железной решетки, исполненной на Нижне-Тагильском заводе.
В советское время памятник чудом уцелел, хотя из-за небрежного к нему отношения пострадал постамент, позолоченные буквы надписи на нем были сбиты, как и позолота верхних окончаний ограды. В период национального подъема, в 1944 г. надпись на памятнике была восстановлена, правда, в искаженном виде (вместо "годъ" было написано "года"), а в 1967 г. памятник был основательно реставрирован.

Северный горельеф ,
Скульптор Н.А. Рамазанов

Южный горельеф
Скульптор К.М. Климченко

ГАЛЬБЕРГ Самуил Иванович Модель памятника Н. М. Карамзину. 1840. Гипс, дерево. Фрагмент.

Письмо из Симбирска об открытии памятника Карамзину

(К М. А. Дмитриеву)

Карамзин: pro et contra / Сост., вступ. ст. Л. А. Сапченко. -- СПб.: РХГА, 2006.

OCR Бычков М. Н.

Вам, как согражданину Карамзина, уроженцу и дворянину симбирскому, ближайшему родственнику первого его друга1, спешу сообщить описание славного нашего празднества, и вместе отдать подробный отчет о своем путешествии, в которое вы меня проводили.

. . . . . .

Симбирск, вы знаете, виден издалека. Сердце у меня забилось, как я увидел город, за полями и лугами, на высокой горе, озаренный последними лучами заходящего солнца. Мысль, что я еду говорить Похвальное Слово Карамзину, который с детских лет был первым героем моего воображения, -- которого, в юности, любил я, могу сказать, со страстью, -- у которого начали учиться и добру и языку и истории, как выразился, помню, в своем письме к нему, посвящая первый опыт на историческом поприще, -- приводила меня в волнение. Думал ли знаменитый историк, что тот молодой человек, кому он в Петербурге, за несколько месяцев до кончины, дрожащему и трепещущему, благоволил сказать одобрительное слово и изъявить доброе желание, призовется чрез двадцать лет, на его родину, совершить пред его памятником2 торжественное поминовение об его заслугах и благодеяниях отечеству, и будет говорить ему Похвальное Слово, если недостойное своего предмета, то по крайней мере искреннее и чистосердечное {*}.

{* Здесь говорится о рассуждении "О происхождении Руси" (Москва, 1825), писанном мною для получения степени магистра в Московском университете. (Я должен сообщить здесь некоторые подробности, до меня относящиеся, без коих в описании многое осталось бы темным для публики. Впрочем, honni soit, qui mal y pense [да будет стыдно тому, кто плохо об этом подумает (фр.); девиз английского ордена Подвязки]. Иван Иванович Дмитриев взялся, по благосклонности своей ко мне, быть посредником и препроводил Карамзину мое сочинение вместе с письмом. Карамзин по первой почте (17 апреля 1825 г.) отвечал ему: "Спешу сказать тебе, что ты доставил мне письмо Мих. Петр. Погодина, но без диссертации; следственно, не могу еще благодарить его, не видав, что им написано". На следующей почте от 27 апреля 1825 он писал: "Любезнейший друг! Прилагаю письмо к М. П. Погодину, желая ему всех возможных успехов в дальнейших исторических разысканиях"... Тогда же и я удостоился получить от него следующее письмо: "М<илостивый> Г<осударь> М<ихаил> П<етрович>. Примите изъявление моей искреннейшей благодарности. С живейшим любопытством читаю ваше Рассуждение, писанное основательно и приятно.

Усердно желаю, чтоб вы и впредь занимались такими важными для российской истории предметами, к чести вашего имени и нашей исторической литературы. Прося о продолжении вашей ко мне благосклонности, с истинным почтением и преданностию имею честь быть, ваш, Милостивый Государь мой, покорный слуга Н. Карамзин. С.-Петербург. 25 апр. 1825".

Декабря 23, в том году, приехав в Петербург с единственною почти целию видеть Карамзина, я представился ему и услышал от него повторение этого, осмеливаюсь сказать, благословения. Почитаю себя счастливым, что успел видеть его лице и слышать его голос: чрез четыре месяца он скончался.)}

Я остановился у П. М. Языкова3. В тот же вечер собралось к нему несколько симбирских дворян, и между прочими И. С. Аржевитинов4, потерявший ногу на Бородинском сражении и ходящий на деревяшке. Мне вспомнилось описание симбирского общества в романе Карамзина "Рыцарь нашего времени", и я невольно перенесся, с особенным удовольствием, в давно прошедшее время.

Открытие памятника отложено до другого дня после коронации, чему я был очень рад, усталый после дороги на курьерских...

22 августа все дворянство собралось по обычаю с поздравлением у господина губернатора (Николая Михайловича Булдакова5), которому и я имел честь представиться. Это старинный университетский воспитанник, ученик Геймa6, -- он осыпал меня ласками.

Отсюда прямо все поехали в собор молиться в этот торжественный день о Царе и Царстве. Литургию освящал Преосвященный Феодотий и по окончании оной сказал назидательное слово о любви, которой -- которой дай Бог нам больше, всем вместе и каждому порознь, в Симбирске и Казани, Москве и Петербурге и даже в Париже и Лондоне.

После обедни был завтрак у Преосвященного, -- на берегу Волги, в виду бесконечной луговой стороны; стол покрыт был рыбами и рыбицами, коих всегда полны здешние благословенные мрежи7. Я имел случай засвидетельствовать здесь свое почтение гг. губернским предводителям П. И. Юрлову8 и А. Л. Киндякову9, из которых от первого я получил лестное предложение сочинить Слово, а второй, как хозяин, принимал меня теперь. Тут же познакомился и с некоторыми дворянами. Обычных визитов по домам делать не было возможности за недостатком времени. Знакомые обращались ко мне с упреками, зачем я приехал так поздно, хотя и теперь это было почти наудачу.

Ввечеру по предварительному соглашению должно было прочесть слово у г. губернатора в собрании многих дворян. Приступая к чтению, я объяснился с своими слушателями, прося у них замечаний местных, исторических, литературных и цензурных, в отношении к произнесению, тем более, что сам я, в жару сочинения, не мог судить о моем труде, только что конченном, а в обыкновенную цензуру для печати оно не поспело.

Чтение продолжалось с лишком час, как я ни торопился.

Лишь только что я кончил, как сыновья Карамзина, также здесь присутствовавшие, Андрей Николаевич и Александр Николаевич, обратились ко мне с благодарностью и жали мне руки со слезами на глазах... Это была приятнейшая минута в моей жизни литературной. Кажется, гора свалилась у меня с плеч, и я вздохнул свободно, как будто примиренный с знаменитым семейством: Вы помните, что в 1828 году помещал я в Московском вестнике, который издавал тогда, замечания, несколько жесткие, Арцыбашева (также уже покойного) на Историю государства Российского, за что и подпал подозрению в неуважении к памяти знаменитого историка, подвергся даже гонению {Это было самое тяжелое для меня время. Держась постоянно правила о свободе мнений в журнале (которому следую и в "Москвитянине"), я продолжал помещать замечания Арцыбашева, кои делать, казалось мне (и теперь кажется), имел он полное право, заслуженное также тридцатилетними трудами, а друзья покойного Карамзина, ревнители его славы, и некоторые безусловные почитатели считали не только сочинение, но и помещение их литературным преступлением -- особенно в то время, как не остыл еще его прах. В некоторых отношениях они были правы; всего больнее для меня было то, что в числе их были большею частию люди, которых я искренне уважал и которым был обязан. Иван Иванович Дмитриев, ласкавший меня прежде много, начал отзываться обо мне так, что я почел за лучшее даже и не показываться ему на глаза; В. А. Жуковский стал холоднее; князь П. А. Вяземский, принявший живое участие в первом моем литературном издании (альманах "Урания", 1826), доставивший мне знакомство и стихотворения Пушкина, помогший посредством Д. Н. Блудова издать Славянскую грамматику Добровского, -- написал стихотворение, помещенное в "Телеграфе" с особым замечанием, которое я должен был принять отчасти на свой счет и начать переписку. Наконец, избранный тогда же по представлении Круга за рассуждение о происхождении Руси в адъюнкты Академии наук, я был вследствие этого происшествия, как мне казалось, не допущен до этого сословия и лишился возможности заняться норманнскими древностями под руководством знаменитого академика. Один Пушкин сохранял ко мне прежнее расположение и ободрял меня, говоря: все перемелется, мука будет.}. Тогда же я произнес обет написать ему Похвальное Слово и не являться до тех пор в его доме, как мне того ни желалось, пока не исполню своего намерения, не рассею тени, наложенной на меня обстоятельствами. Несколько раз после я принимался писать Слово. Иван Иванович, накануне еще своей смерти, как я писал тогда же к вам в Симбирск, взял с меня повторение моего обязательства, но я всегда был недоволен своими опытами и оставался при одной мысли, пока наконец предложение симбирского дворянства дало мне побуждение и силу исполнить, как мог, его поручение и мое давнее желание, -- но на прежнее возвратимся.

Все слушатели осыпали меня похвалами. Решено было не пропускать ничего и прочесть слово так, как оно написано.

Однако ж воротился домой я с каким-то неприятным чувством, -- судите сами о причудах авторского самолюбия или даже просто авторской натуры! Мне показалось, что похвалы были холодны, внушались только обыкновенной светской учтивостью, что Слово мое слишком длинно и заключает много подробностей, совсем не занимательных для большинства публики, что завтра я наскучу своим слушателям, которые ожидают от меня верно чего-нибудь другого, а может быть, не удовлетворю и требованиям знатоков, что не возбужу никакого участия, одним словом, что я напрасно, с своею больною ногою совершил этот длинный путь... Дождь бил в окошко, небо было обложено все тучами, ночь темная... Я начал было думать, как сократить, переделать Слово, но что можно было успеть в несколько ночных оставшихся у меня часов... беспрестанно переворачивал я свою подушку и в таком расположении уснул, в власти самых беспокойных мыслей и тревожных чувствований, авторских и неавторских.

На другой день не успел проснуться, как приехали некоторые мои добрые приятели с советами исключить несколько мест из писем и сочинений Карамзина, кои могут, де, подать повод к кривым толкованиям, и я смутился еще более, не зная, что мне делать, как раздался благовест. Должно было ехать в собор.

Там собрался весь город -- начальство, дворянство, купечество, воспитанники гимназии и семинарии. Все в мундирах и полном параде.

Началась заупокойная литургия. Величественное служение, прерываемое воспоминаниями об усопшем и молитвами об его упокоении, наполняло душу каким-то священным трепетом, страхом Божиим... За литургией следовала панихида, торжественная и вместе глубоко грустная, исполненная разительных уроков о суете земного величия и молений любви, которая не оставляет человека и за гробом. Благоговейная тишина царствовала в храме, и только славословие священников и пение ликов раздавались полнозвучно под высокими сводами. Благочестие и усердие написаны были на лицах, выражались в частых, усердных преклонениях. Казалось, вся Россия собралась сюда совершить благодарственное поминовение об одном из лучших и достойнейших сынов своих. Минуты торжественные и умилительные! Воспоминание о такой жизни, как жизнь Карамзина, чистая, неукоризненная, вся посвященная благу, и вместе сознание о ничтожности всех человеческих добродетелей пред Судиею, которому "кто постоит" "аще воззрит" -- молитва единодушная, искренняя, теплая, чрез 20 лет после кончины, "о проститися усопшему все прегрешения его вольная и невольная, о неосужденно предстати ему у страшного престола Господа славы, о вселити его, идеже присещает свет лица Бо-жия", -- все это было так важно, глубоко и вместе так просто! Все это приводило душу в какое-то особенное состояние, свыше-земное, неизреченное и неописанное...

Вы помните стихи Мерзлякова:

...Если с смертными бессмертных
Есть горния любви небесный разговор,

то что должна была чувствовать душа Карамзина, принимая от любезного ему отечества эту чистую жертву благодарности и любви!

Сыновья его плакали -- но в эти минуты мы все были его сыновьями, мы все плакали слезами ... не горести, но какого-то грустного высокого радования; мы молились, но нам казалось, что молитвы наши уже услышаны еще прежде возношения, что Карамзин уже там, где мы желали быть ему -- "в месте светле, месте злачне, в месте покойне, ид еже вси праве днии пребывают"; и что мы своей молитвой исполняем только собственный долг, удовлетворяем потребности своего сердца.

Стихи: "блажени, яже избрал и приял еси Господи", "память их в род и роды", "души их во благих водворятся" воспевались как будто собственно для Карамзина, -- и мы повторяли их с полным убеждением и верою. О, это были, повторяю, минуты торжественные и умилительные. Сам неверующий должен бы сознаться, что есть что-то кроме земли, кроме дня и его злобы: неужели такое чувство остается только на лицах, неужели такая молитва оглашает только воздух!

Молодые воспитанники симбирской гимназии, длинным строем среди нас стоявшие, были для меня представителями новых поколений России. Мысленно обращался я ним ...о друзья мои! Воспоминайте часто о Карамзине и о последней панихиде по нем, при которой вы имели счастие присутствовать.

Разумеется, я позабыл о своем Слове, и об тех местах, кои исключить нужно, и об этих местах, кои произносить должно.

По окончании священнослужения все общество, торжественным ходом, отправилось к монументу. Вчерашний дождь прекратился, и солнце сияло во всем своем великолепии.

По бокам иссечены два медные барельефа. Один представляет чтение Карамзиным Истории императору Александру, а другой вручение умирающему Карамзину благодарственного рескрипта императора Николая.

Вся площадь усыпана была народом; окна, балконы, крыши домов покрыты зрителями. Лишь только приблизилась процессия, завеса, закрывающая бюст и барельефы, ниспала. Преосвященный произнес обычные молитвы и окропил святою водою нижнюю часть памятника, обошед оный кругом. Потом провозглашено было многолетие государю императору и всему августейшему дому, вечная память историографу Николаю Михайловичу Карамзину, многая лета симбирскому дворянству и всем почитающим память великого писателя. В заключение Преосвященный, обратясь к бюсту Карамзина, произнес краткую, прекрасную речь, избрав очень счастливо следующий текст из Сираха: Слава их не потребится; телеса их в мире погребена быша, а имена их живут в роды. Премудрость их поведят людие, и похвалу их исповест церковь. Сир., гл. 44.

Вот и самая речь:

"Чем приличнее приветствовать мудрого, если не словами мудрого? -- И мы приветствуем тебя, муж мудрый и доблий, словами Св. Премудрости: слава твоя не потребится; ты почил в мире; но имя твое переживет роды. Премудрость твою поведят людие, и похвалу твою исповест церковь.

Не будем, братия, спрашивать: кто счастливее -- народы ли, среди которых, к их славе и величию, восстают мудрые, или мудрые, восстающие среди такого народа, который умеет ценить премудрых. Счастлива Россия, где под благодатною сению православия и златым скипетром самодержавнейших ревнителей веры и просвещения, как при плодотворящей росе и животворном солнце, прозябают, растут и получают правильное направление дарования и умы, к славе и счастию России, которой и в сем отношении скоро позавидуют народы. И кто из нас при сем взгляде на Россию не думает о Карамзине?

Слава тебе, Карамзин, муж мудрый и доблий, своими дарованиями и трудами сугубо прославивший Россию! Премудрость твою поведят людие, и похвалу твою исповест церковь. А умолчим мы, то камни сии, велением благочестивейшего государя нашего императора Николая Павловича во славу твою положенные, о славе твоей возопиют.

Слава благочестивейшему государю нашему, толико прославившему мудрого, на радость мудрых! --

Слава вам, мужи именитые, коим первым пришла на сердце, сродная вашему сердцу, благородная мысль, почтить премудрость! Прем., гл. 6.

А паче слава Богу, действующем в нас и еже хотети и еже деяти о благоволении. Фил., гл. 2.

На меня речь произвела особенное действие: "Умолчим мы, то камни сии возопиют", -- сказал Преосвященный, -- эти слова возвратили мне твердость. И не стыдно ли б было, исчисляя все заслуги Карамзина, умолчать от тех действиях, в коих всего яснее выразилась любовь его к отечеству и гражданское мужество? Не упомянуть в историческом спокойном рассказе, которого первое достоинство состоит в верности, о том, что он говорил прямо и открыто, мимо всех отношений. Когда? В ту минуту, когда его заслуги награждались общественным монументом, по велению государя. Пред кем? Не пред толпой необразованной, легко приходящей в соблазн, способной к кривым толкованиям, а пред дворянами, его согражданами, людьми просвещенными! Во всяком случае они должны быть сказаны, в удовлетворение собственного чувства, в успокоение своей совести.

После речи Почетный Попечитель гимназии, воспитанник старого знаменитого университетского пансиона, товарищ Шевырева и Титова10, Дмитрий Петрович Ознобишин11, произнес стихи пред самым памятником, которые начинаются следующими счастливыми строфами:

Он здесь! Он вечно нам! Изображенье Клии
Отныне передаст в позднейши времена
И дар Царя, и дань признательной России
К трудам Карамзина.

Как древле Иродот, средь шумных игр Эллады,
Рассказом сладостным народы увлекал,
И юный Фукидид, вперив на старца взгляды,
Рыдал и трепетал;

Так русский юноша, теперь идущий мимо,
Взглянув на этот лик, сияющий в меди,
Любовь к отечеству, сей огнь неугасимый,
Восчувствует в груди.

В нем вдруг пробудится неведомая сила
Высоких подвигов, чем втайне мысль кипит,
И, как птенец орла, свои расширив крила,
Он к солнцу возлетит!

Преосвященный удалился для разоблачения, и Клио предстала пред взорами публики в мифологическом грешном своем величии.

Похвальное слово определено было прочесть в зале гимназии, ибо дом Благородного собрания еще не отделан.

Обширная зала наполнена была слушателями. В соседних комнатах, на хорах, в коридорах толпился народ. Дамы занимали передние ряды. По обеим сторонам кафедры находилось множество предстоявших. Я взошел, -- должно сказать с благодарностию, для соблюдения исторической верности, -- встреченный громкими рукоплесканиями, и начал говорить, между портретами Карамзина и Дмитриева. Нельзя было не одушевиться, и я понял, что место, время, случай могут действовать на человека особливым образом и возбуждать в нем то, чего в обыкновенное время он в себе не замечает.

Вы знаете план Слова. После приступа о высоком значении писателя в ряду граждан, особенно в наш век, автор {Чтоб избегнуть я, местоимения несносного для читателей в таких описаниях, оно заменится где можно словом автор.} обращается к заслугам Карамзина на поприще языка, словесности и истории. Сначала представил он состояние языка до Ломоносова, потом преобразование, совершенное этим гением, и наконец указал, что им не кончено, что оставалось его преемникам...

"И вот, чрез год после его смерти, 1766 года, декабря 1 дня, Симбирской губернии, Симбирского уезда, в селе Богородском, родился Карамзин..."12

Вы можете себе представить, что самые простые слова, самые естественные сближения должны были производить здесь действие -- на месте, в Симбирске, между детьми его родственников, его знакомых, которые его видели, которые слыхали об нем от своих отцов и знали, может быть, наизусть все его сочинения!

Сочинения Карамзина автор исчислил в хронологическом порядке, с замечаниями, в чем состояло существенное и относительное достоинство каждого.

Как мне сладко было читать отрывки из его сочинений, столь тесно соединенные с воспоминаниями о золотых годах нашей молодости и нашего учения!

Таким образом автор дошел до Истории. Здесь представил он состояние русской истории до Карамзина, трудности, кои преодолеть он был должен, и слабость надежды, которую можно было питать сначала на успех. Предприятие Карамзина в 1803 году автор назвал отважным, дерзким, сравнил с другими действиями в истории -- Петра, Ломоносова, Суворова...

"Это дух всей русской жизни, -- сказал я, -- это дух -- не Карамзина, не Ломоносова, не Петра, это дух русского человека, тот самый дух, пред которым понижаются Альпийские горы, заравниваются кавказские пропасти, которого ничто не устрашает, которому нигде не бывает препон, тот дух, который мы, ученые, полуученые, а больше всего недоученые, всеми силами погасить стараемся в латинских формах и немецких формулах, но который однако ж все еще жив, потому что живущ, а Бог милостив".

Мне не дали договорить: раздались рукоплескания, продолжавшиеся долго, и признаюсь -- я рад был этому сочувствию, как выражению того же духа...

Историю государства Российского автор обозрел со стороны критики, науки и искусства.

Далее рассматривал он Карамзина как гражданина при описании двух записок его: о древней и новой России, о Польше. Здесь почел он своею обязанностию отстранить нарекание на Историю Карамзина, выраженное в эпиграмме Пушкина, столь знаменитой между его ровесниками. В республике ученой есть свои права и обязанности, свои награды и наказания, свои достоинства и пороки, и обвинение такого человека в русской литературе, как Пушкин, хоть тогда он был почти еще юношей легкомысленным, нельзя было оставить без отражения.

Наконец старался я представить Карамзина как человека. Многочисленное собрание его писем, из коих большею частью обязан я вам и А. И. Тургеневу, доставило мне прекрасное заключение, составленное из собственных слов Карамзина, которое, разумеется, сделалось лучшею частью речи. Зная их наизусть, нельзя было читать без умиления -- вы можете себе представить, как должны они были тронуть слушателей, слышавших их в первый раз! Чистая, высокая душа Карамзина, благородство его характера, любовь к отечеству, преданность в волю Провидения представились ими пред взорами слушателей как в ясном зеркале. Когда вслед за ними прочел я описание последних минут Карамзина, сделанное Жуковским, многие плакали. Я кончил следующими словами:

"Что могу я прибавить к этому красноречивому волнению сердец ваших... Лучше умолкнуть. ... Прерываю мое слово... Карамзин принадлежит России, но вам, Мм. Гг., принадлежит он преимущественно. Здесь он родился, здесь получил начальное образование и обогатился впечатлениями детства и юношества, столь важными и решительными в нашей жизни; между вами нашел он себе первого друга-советника в литературных трудах; между вами нашел он себе первого путеводителя, который указал ему Москву, ввел его в

ученое общество и дал направление его умственным и нравственным занятиям13; вы, наконец, предупредили всех своих соотечественников в благом намерении воздвигнуть общественный памятник знаменитому согражданину и приняли самое деятельное участие в исполнение этой мысли. На вас, разумеется, должно было подействовать самое простое и безыскусственное воспоминание о жизни и трудах Карамзина, -- но я уверен, что и всякий из наших соотечественников, в котором бьется русское сердце, которому мило русское слово, которому дорога русская слава, кто любит свою святую Русь, кто предан просвещению, вспомнив благодеяния Карамзина, произнесет ему всегда внутренно свое русское, сердечное спасибо, которое лучше, выше, сильнее, дороже не только моего скудного Слова, но и всех витийственных панегириков Греции и Рима, искренняя, свободная дань хвалы, чести, признательности и любви.

Пусть памятник, теперь ему соизволением императора Николая здесь поставленный, одушевляет ваших детей, все следующие поколения, в благородном стремлении к высокой цели Карамзина! Пусть дух его носится в России! Пусть он останется навсегда идеалом русского писателя, русского гражданина, русского человека, -- по крайней мере долго, долго, если на земле нет ничего бессмертного, кроме души человеческой"14.

Я сошел с кафедры... Господа предводители в лестных выражениях изъявили мне благодарность симбирского дворянства за исполнение их желания...

Чтение продолжалось почти два часа. . . . . .

После Слова Д. П. Ознобишин, в исполнение общего желания, повторил среди рукоплесканий свои стихи, произнесенные пред памятником.

Собрание кончилось в 3 часа.

* * *

Обед в этот день давало дворянство в залах Клуба, куда часам к пяти съехались все гости и хозяева.

Стол начался ухою, и какою ухою -- можно себе представить потому, что из окон чуть ли не видна была Волга во всем своем величии, что все симбирское дворянство, в дачах которого она протекает, праздновало торжественный для себя день и, наконец, что обед был заказан г. губернским предводителем.

За ухою явился на сцену осетр, нет, не осетр, а какой-то водяной зверь, представитель Каспийского моря. Ломоносовский левиафан, только не на уде вытянутый на брег15. Несколько носильщиков поднимало его на досках. -- Левиафан, о котором многие обратились с вопросами к Петру Михайловичу Языкову, не принадлежит ли он числу животных допотопных, и сам ученый геолог, кажется, пришел в недоумение: из земли или из воды извлечено было это чудище!

Запенилось шампанское, Александр Львович Киндяков, губернский предводитель, встал, -- все собрание мгновенно умолкло, -- и он провозгласил первый тост за здравие Государя Императора. Я осмелился присоединить следующие слова, записанные симбирскими стенографами.

"Этот тост, Мм. Гг., произносится по всей России; но здесь, в Симбирске, в эту минуту, он имеет особенное значение. С благоговением мы должны вспомнить, что император Николай первый засвидетельствовал благодарность отечества Карамзину и сказал ему, что история его достойна русского народа, -- что император Николай утешил его в последние минуты его жизни, успокоил касательно судьбы его семейства, принял благосклонно всеподданнейшее представление симбирского дворянства о сооружении ему памятника, и сам в том участвовал. Да здравствует августейший покровитель просвещения и благотворитель фамилии Карамзиных!.. Ура!"

Второй тост провозгласил Андрей Николаевич Карамзин:16

"Мм. Гг. Ежели каждому русскому останется памятным торжество, соединяющее нас, то какими словами мне, сыну Карамзина, выразить все, чем исполнена душа моя? ... Гений и талант не наследственны, но наследственно с малолетства питаемое чувство любви к родине, пламенное, святое, -- преданность престолу и государю! Мое русское сердце трепещет радостью, видя, как милое отечество ценит великие труды, понесенные бессмертным покойником в пользу русского языка и русского слова. Как сын его, исполненный благодарности, с умилением и восторгом возношу заздравный кубок в честь первых виновников торжеств, в честь благородного, просвещенного симбирского дворянства!.. Ура!"

С каким чувством, с каким жаром произнес он эти слова! Из сердца излились они и тотчас отозвались во всех сердцах. "Милое отечество" -- так никто не скажет ныне, но в устах Карамзина, который как будто в наследство получил это слово, любимое его отцом в своей молодости, оно было -- оно было так мило, так трогательно...

Потом обратились все к Преосвященному Феодотию, столько любимому, сколько и уважаемому от всей губернии, и с бокалами в руках пожелали ему здравия. Преосвященный отблагодарил следующими словами, если меня не обманывает память: "Для меня очень приятен этот знак вашего доброжелательства. Вместе с другими доказательствами, кои я имею, он служит мне и удостоверением в благочестивом расположении жителей Симбирской губернии, за которое я вам благодарствую".

Потом предложен был тост за здоровье начальника губернии Н. М. Булдакова, который устроивал церемониал открытия и столь старался о придании ему надлежащей торжественности.

Возглашено многолетие семейству Н. М. Карамзина.

Д. П. Ознобишин предложил тост за мое здоровье: "За здравие Михаила Петровича Погодина, при первой вести об открытии в Симбирске памятника незабвенному историографу поспешившего в Симбирск воздать ему на месте должную похвалу своим приветствием и украсившего теплым словом наше семейное и народное торжество. Ура!"

Я отвечал: "Повторяю вам, милостивые государи, глубочайшую мою благодарность. Если я исполнил сколько-нибудь ваше ожидание, если я изобразил хотя слабо великость заслуг Карамзина, -- я почитаю себя счастливым. Да процветает Симбирск, да являются отсюда беспрерывно, к славе отечества, преемники Карамзиных, Дмитриевых, Тургеневых, Языковых... Ура!"

Далее следовало здоровье господ предводителей и учредителей празднества.

Порядка предустановленного, кажется, не было, по крайней мере, не примечалось, и все делалось по вдохновению, т. е. по-русски: никто не знал, что за чем последует и что выйдет, а выходило хорошо. Мы видели, что и мы можем говорить, лишь бы было где и об чем.

Собрание становилось веселее и веселее, шумнее и шумнее. Шампанское ходило кругом, как будто Волга открыла какой-нибудь из запечатанных ключей своих с вином вместо воды. От избытка сердца глаголали уста. Любовь умножалась. Все становились добрее...

"Милостивые государи, -- сказал я в заключение, -- в наших бокалах еще много вина. Позвольте предложить вам тост, в котором заключаются все предыдущие: за здравие и благоденствие России! Да процветет она долго, долго -- выражусь словами Карамзина, -- если на земле нет ничего бессмертного, кроме души человеческой!"17

Гром рукоплесканий загремел во славу России. Бокалы разом высушены были до дна. Все встали, обед кончился.

* * *

Начались рассказы, анекдоты, споры. Все были очень веселы. Один дворянин, мне незнакомый, приступил ко мне с вопросом, можно ли склонять Клио. "Послушайте, -- сказал он мне, -- я люблю русский язык, стараюсь наблюдать его правила, слежу за словесностью -- скажите мне откровенно, решите наш спор: ведь нельзя склонять Клио? Дмитрий Петрович сказал неправильно: изображенье Клии! Клио склонять нельзя". Точно, сказал я, вы правы: Клио нельзя склонять, но для нынешнего дня, для такого праздника, позвольте уж просклонять Клио. "А, разве так, я согласен, -- воскликнул он, довольный, -- для нынешнего дня, но завтра, после, никогда".

Другой рассказал мне анекдот, что дамы, пред которыми я, говоря в Слове об образе мыслей Карамзина касательно французского языка, имел грубость назвать употребление его в обществе дерзким, наглым, были очень довольны моею выходкою, но выражали свое удовольствие по-французски же: "c'est charmant" {это мило, прелестно (фр.).}. Извольте проповедовать!

Поздно кончился пир, возбуждавший среди своего шума много мыслей, много чувствований!

Вечер был у Александра Михайловича Языкова.

Тогда же розданы были экземпляры Симбирского сборника, изданные молодым симбирским дворянином Д. А. Валуевым18, и составленные из документов, в Симбирской губернии найденных.

* * *

На другой день поутру отправился я к Карамзиным. Вхожу в гостиницу: коридор занят бедными и нищими, продираюсь чрез толпу и встречаю старшего Карамзина, который оделяет их. Эта новая сцена опять тронула меня очень: я вспомнил добрую душу их отца, о котором дети совершают поминки милостынею, по святому русскому обычаю. Одна женщина просила у него на сапоги сыну, который вчера принят был в гимназию, но которому не в чем ходить. Мы спросили его имя (Прохоров) и препоручили его после вниманию гг. попечителя и директора. За чаем мы разговорились о вчерашнем дне..., но уже поздно, почта скоро отходит. Прерываю свой отчет о пребывании своем в Симбирске. Остальное, впрочем для вас менее занимательное, вы прочтете в моем дорожном дневнике, который в свое время напечатается.
<...>

ПРИМЕЧАНИЯ:

Впервые: Москвитянин. 1845. Ч. V. No 9. Отделение первое. С. 1-- 18, Печатается по первой публикации.

Историческое похвальное слово Карамзину, произнесенное при открытии ему памятника в Симбирске, августа 23, 1845 года, в собрании симбирского дворянства, академиком М. Погодиным

Опубликовано отдельно: М., 1845; Москвитянин. 1846. No 1. Печатается по: Симбирский юбилей Карамзина. Симбирск, 1867. С. 180--220.

1 Дмитриев Михаил Александрович (1796--1866) -- критик, поэт, переводчик, мемуарист, племянник И. И. Дмитриева, друга Н. М. Карамзина.
2 Очень скоро после смерти историографа в обществе родилась идея увековечения памяти Н. М. Карамзина. Симбирские дворяне подали губернатору А. М. Загряжскому бумагу, где говорилось: "Желая ознаменовать и увековечить высокое уважение наше к памяти уроженца Симбирской губернии великого бытописателя Николая Михайловича Карамзина, творениями своими имевшего столь решительное, прочное и благодетельное влияние на просвещение любезного отечества нашего: вознамерились мы воздвигнуть ему в городе Симбирске памятник..."

(Трофимов Ж. А. Симбирский памятник Н. М. Карамзину. М., 1992. С. 7). Симбиряне просили губернатора исходатайствовать Высочайшее соизволение на открытие подписки для составления денежной суммы, необходимой для выполнения "сей священной цели".

Сбор средств продолжился в Петербурге на обеде, данном группой литераторов в честь И. И. Дмитриева. В списке жертвователей мы находим имена А. С. Пушкина, И. А. Крылова, П. А. Вяземского и др.

Памятник мыслился как дом для помещения библиотеки, в главной зале которой размещался бы мраморный бюст писателя на пьедестале, заключающем все его творения. Другая группа дворян настаивала на строительстве учебного заведения в память о Карамзине. Но высочайшее соизволение последовало лишь на сооружение памятника Н. М. Карамзину (император Николай побывал 22 августа 1836 г. в Симбирске). Среди ряда предложений выбор царя пал на проект С. И. Гальберга, представленный в двух вариантах. Совет Академии художеств остановился на том из них, где предполагалось "ставить как памятник на богатом пьедестале музу истории Клио, которая, имея в левой руке эмблематический признак свой трубу, правою возлагает на жертвенник бессмертия скрижали Государства Российского, посвящая их таким образом бессмертию" (Трофимов Ж. А. Симбирский памятник Карамзину. С. 15). Утвержденная императором надпись на пьедестале памятника:

Н. М. Карамзину,

историку Российского государства

повелением императора Николая I

1844 года, --

не отразила заслуг Карамзина в области литературы, он был увековечен только как придворный историограф, но почитатели его творчества никогда не разделяли Карамзина на писателя и историка.

С. И. Гальберг начал создание памятника, но в 1839 г. скончался. Талантливые выпускники Академии А. А. Иванов, П. А. Ставассер, Н. А. Рамазанов и К. М. Климченко довели работу до конца. Отливка статуи Клио из бронзы была осуществлена в мастерских Академии художеств под руководством П. К. Клодта.

Статуя музы истории с большими трудностями была доставлена на Симбирскую пристань летом 1843 г. Здесь она пролежала около полутора лет, до тех пор, пока из столицы не прибыли четырехугольный пьедестал из красно-бурого финляндского гранита и бронзовый бюст Н. М. Карамзина.

Бюст был помещен в нише лицевой стороны пьедестала, на самом постаменте была установлена бронзовая статуя музы истории Клио. Из

бронзы были отлиты также горельефы, на которых в соответствии с классическим стилем все фигуры изображены в античных одеждах. На левом (северном) Карамзин читает отрывки из своей "Истории" императору Александру во время пребывания того в Твери в 1811 г. На правом (южном) Николай Михайлович запечатлен на смертном одре в окружении своего семейства в тот момент, когда познакомился с рескриптом Николая о пожаловании ему щедрого пенсиона. Женская фигура с рогом изобилия на горельефе символизирует славу и богатство, но умирающий отвергает земные дары: он уже на пути к другим берегам...

3 Языков Петр Михайлович (1798--1851) -- ученый, этнограф, естествоиспытатель, брат поэта Н. М. Языкова. Дом Языковых в Симбирске (сохранившийся по сей день) находится в нескольких шагах от места, где был сооружен памятник Н. М. Карамзину.

4 Аржевитинов Иван Семенович (1792--1847) -- общественный деятель, участник войны 1812 г.

5 Булдаков Николай Михайлович (ум. в 1849) -- симбирский губернатор (назначен в 1844).

6 Гейм Иван Андреевич (1758--1821) -- лексикограф, историк, профессор Московского университета.

7 Мережа -- ячеистая ткань, вязание; рыболовная сеть в полотнищах без отделки. Мрежа, мережа; мрежник, мережник -- рыбак (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. И-О. М., 1955. С. 319, 355).

8 Юрлов Петр Иванович (1793--1869) -- симбирский дворянин, собиратель художественных и исторических памятников.

9 Киндяков Александр Львович (1805--1884) -- подполковник, предводитель дворянства Симбирского уезда (1845--1847).

10 Титов Владимир Павлович (1807--1891) -- литератор, участник кружка любомудров.

11 Ознобишин Дмитрий Петрович (1804--1877) -- поэт, переводчик, уроженец Симбирской губернии.

12 Существуют также версии о том, что Карамзин родился в с. Михайловка Бузулукского уезда Оренбургской губернии или в с. Знаменском Симбирского уезда Симбирской губернии.

13 Тургенев Иван Петрович (1752--1807) -- симбирский помещик и известный масон, направил Карамзина в Москву к известному книгоиздателю и журналисту Николаю Ивановичу Новикову.

14 Обращенные к России заключительные слова Карамзина из его Предисловия к "Истории государства Российского".

15 Образ ломоносовской "Оды, выбранной из Иова", где Бог, обращаясь к Иову, указывает на величие земного творения:

Ты можешь ли Левиафана
На уде вытянуть на брег?
В самой средине Океана
Он быстрой простирает бег;

Светящимися чешуями
Покрыт, как медными щитами,
Копье, и меч, и молот твой
Считает за тростник гнилой. <...>
И т. д.

Краткая биография.

Николай Михайлович Карамзин родился 1 декабря (12 н.с.) 1766 года под Симбирском в дворянской семье. Отец Карамзина был помещиком в Симбирске; ему же принадлежало село Михайловка. Детство его прошло на берегу Волги - величавой реки, "священнейшей в мире" (как она названа в одном из его стихотворений). Николай Карамзин получил хорошее домашнее образование, уже подростком знал несколько иностранных языков: немецкий, английский, французский, итальянский. По существовавшей тогда традиции, еще ребенком записан в лейб-гвардии Преображенский полк.

1775 - 1781 годы - Карамзин в Москве, живет и учится в пансионе И.М. Шадена, профессора Московского университета. Одновременно посещает лекции в Московском университете.

1783 (или 1781) - 1784 годы - Николай Карамзин по требованию отца служит в лейб-гвардии Преображенском полку в Петербурге. Выйдя в отставку в начале 1784 года, уезжает в Симбирск.

В Симбирске Карамзин вскоре после приезда вступает в масонскую ложу "Золотого венца". Один из основателей ложи советует талантливому юноше ехать в Москву.

Осень 1784 года - послушавшись совета, Карамзин уезжает из Симбирска в Москву. Здесь его принимают в "Дружеское ученое общество" масонов. Тогда же Николай Михайлович начинает сотрудничать с журналом "Детское чтение", редактором которого был один из членов общества Н.И. Новиков.

1789 год - Карамзин публикует свою первую повесть "Евгений и Юлия".

1789 - 1790 годы - покинув масонское общество, Карамзин отправляется в путешествие по Европе. Посещает Германию, Францию, Швейцарию, Англию. Эта поездка окончательно сформировала Карамзина-писателя. Литературным результатом вояжа стали "Письма русского путешественника". Значение этого произведения в том, что здесь впервые Карамзин указал - Россия идет по тому же пути просвещения, что и другие народы Европы.

1790 год - вернувшись в Москву, Карамзин начинает издавать "Московский журнал". Это было весьма серьезное издание по меркам того времени - более трехсот подписчиков. Особенность журнала состояла в том, что часто его единственным автором был сам Карамзин. Из номера в номер публиковались "Письма русского путешественника", здесь же впервые увидели свет повести "Бедная Лиза", "Наталья, боярская дочь", "Фрол Силин, благодетельный человек", "Лиодор". Все эти произведения были новаторскими в плане литературного языка. Карамзин делал упор не на красивый возвышенный слог, а на его жизненность, изящество, эмоциональность. Автор "Бедной Лизы" по праву считается основателем нового литературного течения, пришедшего на смену классицизму - сентиментализма. Кроме того, в журнале выходили критические статьи и рецензии, написанные Карамзиным на литературные и театральные произведения.

1792 год - по подозрению в масонстве арестован Н.И. Новиков. Карамзин отреагировал на арест своего учителя одой "К милости", опубликовав ее в "Московском журнале". Результатом стало то, что подозрения коснулись и самого Николая Михайловича - следствие заинтересовалось его поездкой в Европу (не по заданию ли масонов она состоялась?). "Московский журнал" пришлось закрыть. Карамзин уезжает из Москвы в деревню.

1793 - 1795 годы - Николай Михайлович Карамзин пережидает скандал с обвинением в масонстве в деревне. Выпускает два стихотворных сборника "Аглая", занимается журналистикой.

1795 год - вернувшись в Москву, Карамзин сотрудничает с газетой "Московские ведомости". В этот период писатель заинтересовался русской историей. Он много читает, пишет статьи, публикуя их в европейских журналах.

1796 год - под редакцией Карамзина издан сборник произведений русских поэтов "Аониды".

1798 год - Карамзин снова начинает издавать журнал, на этот раз целиком посвященный переводной литературе. Журнал назывался "Пантеон иностранной словесности".

Своими произведениями - как литературными, так и публицистическими - Николаю Михайловичу Карамзину удалось реформировать русский литературный язык, призвать авторов "писать как говорят", приблизить письменный язык к живому разговорному.

1801 год - Карамзин женится на Елизавете Ивановне Протасовой.

1802 год - Елизавета Ивановна умирает, оставив Карамзину дочь Софью.

Этот же год - Карамзин основывает литературно-политический журнал "Вестник Европы". С журналом сотрудничали множество авторов, среди которых были Г.Р. Державин и В.А. Жуковский. Журнал просуществовал до 1803 года. Здесь были опубликованы повести "Марфа Посадница", "Моя исповедь" и др.

Октябрь 1803 года - Карамзин назначен официальным историографом. Его заданием было написать полную историю России.

1804 год - Николай Михайлович начинает работу над "Историей Государства Российского". В этом же году он женится на Екатерине Андреевне Колывановой, побочной дочери князя А.И. Вяземского.

1812 год - Отечественная война. Карамзин намерен идти в ополчение. Он отсылает семью в Ярославль, вручив жене "лучший и полный" экземпляр "Истории Государства Российского". Во время знаменитого московского пожара погибла личная библиотека писателя. Сам Николай Михайлович выехал из Москвы за несколько часов до того, как город был занят французами.

Август 1813 года - Карамзин возвращается в Москву.

1816 год - изданы первые 8 томов "Истории Государства Российского". Трехтысячный тираж расходится менее чем за месяц. Карамзин с семьей переезжает в Петербург, сближается с императорской фамилией.

1818 год - Николай Михайлович Карамзин избран почетным членом Петербургской Академии Наук. Выступает инициатором создания памятника Минину и Пожарскому, установленному на Красной площади в Москве.

1821 год - вышел 9 том "Истории Государства Российского".

1824 год - из печати вышли 10-й и 11-й тома "Истории...". (12-й том был издан уже после смерти автора.) Фундаментальный труд является не только научным, но и художественным; автор ставил перед собой задачу создать произведение эпического жанра.

В этом же году Карамзин получает чин действительного статского советника.

14 декабря 1825 года - Карамзин на Сенатской площади. Никаких политических последствий для знаменитого историка это обстоятельство за собой не повлекло, но стало причиной сильнейшей простуды, от которой Николай Михайлович уже не оправился.

Начало 1826 года - простуда выливается в воспаление легких. Доктора советуют ехать на лечение в Европу. Император предоставляет для этого средства и транспорт, но Карамзин уже не в состоянии покинуть Петербург.

22 мая (3 июня) 1826 года - Николай Михайлович Карамзин умирает. Похоронен в Петербурге.

Особенности творчества Н. М. Карамзина.

В 1791 году после выхода в свет революционной книги А. Н. Радищева, начало печататься описание путешествия другого автора, которое сыграло роль очень важную, но совсем иную в развитии русской литературы. Это были “Письма русского путешественника” молодого писателя Николая Михайловича Карамзина.

Карамзин, хотя и был значительно моложе Радищева, принадлежал к той же эпохе русской жизни и литературы. Обоих глубоко волновали одни и те же события современности. Оба были писателями-новаторами. Оба стремились свести литературу с отвлеченно-мифологических высот классицизма, изобразить реальную русскую жизнь. Однако по своему мировоззрению они резко отличались друг от друга, непохожа, а во многом и противоположна была оценка действительности, поэтому столь различно и

все их творчество.

Сын небогатого сибирского помещика, воспитанник иностранных пансионов, недолгое время офицер столичного полка, Карамзин нашел свое истинное призвание, лишь выйдя в отставку и сблизившись с основателем

“Типографической компании” Н. И. Новиковым и его кружком. Под руководством Новикова участвует в создании первого в нашей стране детского журнала “Детское чтение для сердца и разума”.

В 1789 году Карамзин путешествует по странам Западной Европы. Поездка и послужила ему материалом для “Писем русского путешественника”. В русской литературе еще не было книги, которая так живо и содержательно рассказывала о быте и нравах европейских народов, о западной культуре. Карамзин описывает свои знакомства и встречи с выдающимися деятелями европейской науки и литературы; восторженно рассказывает, о посещении сокровищ мирового искусства.

Своего рода откровениями для русских читателей были встречающиеся в “Письмах русского путешественника” настроения “чувствительного путешественника”. Особую чуткость сердца, “чувствительность” (сентиментальность) Карамзин считал основным качеством, необходимым для писателя. В заключительных словах “Писем...” он как бы намечал программу своей последующей литературной деятельности.

Чувствительность Карамзина, напуганного французской революцией, которую он ощущал как предвестие “всемирного мятежа”, в конечном счете уводила его от русской действительности в мир воображения.

Вернувшись на Родину, Карамзин приступил к изучению “Московского журнала”. Помимо “Писем русского путешественника” в нем были опубликованы его повести из русской жизни — “Бедная Ли за” (1792), “Наталья, боярская дочь” и очерк “Флор Силин”. В этих произведениях с наибольшей силой выразились основные черты сентиментального Карамзина и его школы.

Очень важное значение имело творчество Карамзина для развития литературного языка, разговорного языка, книжной речи. Он стремился создать один язык для книг и для общества. Он освободил литературный язык от славянизмов, создал и ввел в употребление большое число новых слов, таких, как “будущность”, “промышленность”, “общественность”, “влюбленность”.

В начале XIX века, когда за языковую реформу Карамзина боролась литературная молодежь — Жуковский, Батюшков, Пушкин-лицеист, сам он все больше отходил от художественной литературы.

В 1803 году, по его собственным словам, Карамзин “постригается в историки”. Последние двадцать с лишним лет своей жизни он посвятил грандиозному труду — созданию “Истории Государства Российского”. Смерть застала его за работой над двенадцатым томом “Истории...”, рассказывающим об эпохе “смутного времени“.